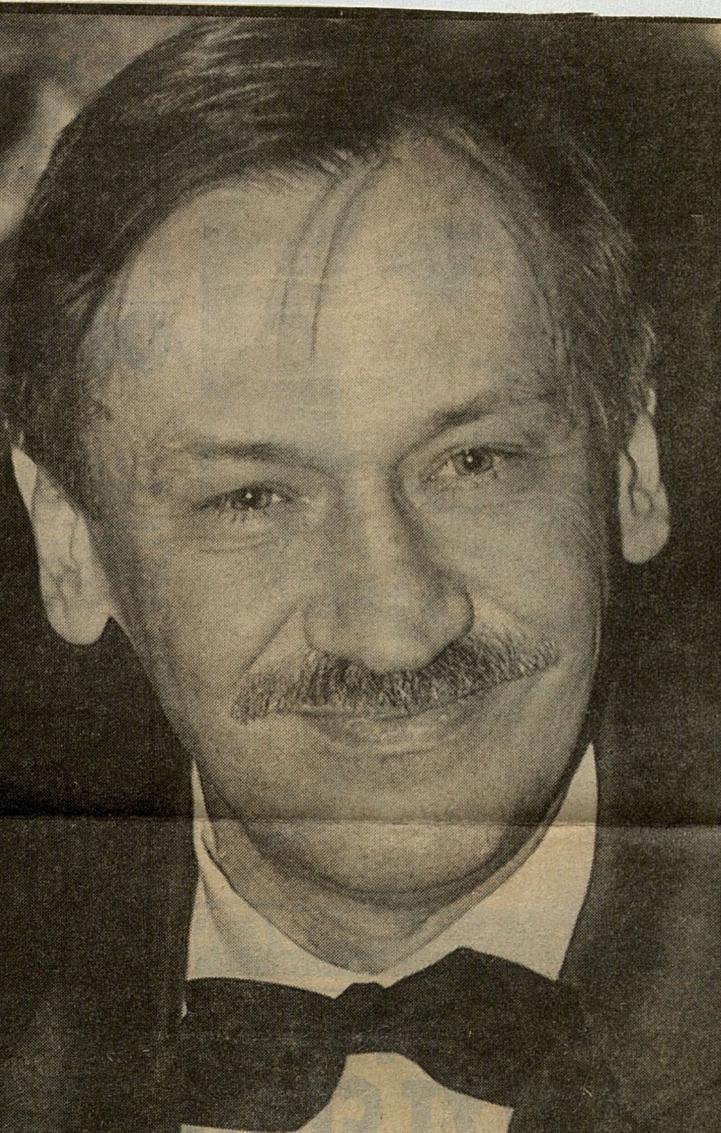

— “Чтобы помнили”
— ваша идея?

— Моя. Нам сказали: все, что было до 91-го года, — кровь и туфта. Попросили все это забыть. Но плохого времени не бывает. Люди живут всегда. Вот их и жалко. А самые яркие люди — артисты. Многие заканчивали жизнь совершенно никому не нужные. А для артистов это особая трагедия.

Леонид Филатов:

“Я НЕ ПРО АЛКАШЕЙ”

— Почему столько забытых имен? Это наша национальная особенность?

— К сожалению, это свойственно нашему народу. Не государству, а народу. Генетическое качество очень гнусное — забывать, что было вчера, не делать уроков, не извлекать их. Даже один неплохой писатель упрекал меня: “Что вы, как некрофил, в покойниках ковыряетесь?”

— Ну почему же в том, что артистов забыли, кто-то виноват? А сами они разве ни при чем?

— Да, вы правы. Вот он пил всю жизнь. Губил талант. То есть все сделал, чтобы его забыли, все силы приложил. Но мы-то почему вовремя не разглядели? К тому же не принято обвинять того, кого уже нет. Неполадотворно. Они просто не вышли в одиночку.

— Виталий Вульф как-то сказал: “Почему Филатов показывает только артистов, умерших от водки?”

— Разве я выбираю только одних алкашей? Так получается. Это не моя вина, не мой хлеб, не мое пристрастие — исследовать жизнь алкашей. Я не строю на этом биографию. Дело не в водке. Сам был артистом, знаю, что это такое: вроде работаешь, работаешь, уже надорвался, сил нет. А где же то, что я оставляю хотя бы детям? Был такой артист Борис Кузьмич Новиков, которого все любили, а он жил в нищете. Кого обвинить? Никто, кроме одного человека, Лени Ярмольника, не поинтересовался, как живет Борис Кузьмич. Он и мне помогал, когда я подыхал.

— Значит, артистов можно называть людьми оглашенными, которые не задумываются о будущем, о материальном?

— Люди, идущие в артисты, еще не артисты. Считается, что быть артистом престижно. Что это вообще другой мир, недосыгаемый. На самом деле, вот он хрустит под вашими каблуками. В преж-

ние времена между артистом и публикой соблюдалась дистанция. Сейчас ее нет. И нет уважения к артисту. Хотя безумцы еще идут в театральный институт, каждый год отбоя нет. И каждый рассчитывает на шанс, что заметит его Спилберг и скажет: “Иди сюда”.

— Как реагируют родственники, когда их просят рассказать о близком им человеке? Это чаще благодарность или — “нет, ни за что”? *Моск. Комсомолец. — 1999. — 11 февраля*

— По-разному. Приходишь, а выясняется, что он был дважды женат или даже трижды и остались дети. Бывает, тебя предупреждают: только в ту семью не ходите, я не хочу, чтобы их показывали. В основном реагируют с благодарностью. И письма приходят: наконец-то страна вспомнила... Какая страна, какое вспомнила?... Но я их не разумею, разумеется. Не объясняю, что программу делают пятеро сумасшедших, а никакая не страна.

— Когда вы узнавали о судьбах артистов, испытывали потрясение?

— Да, конечно. Например, был такой артист Станислав Хитров. Очень хороший артист. Помните фильм “Девчата”? Он там заключает пари с героем Рыбникова. В кубанке такой. Нашли семью, с которой он разошелся незадолго до смерти. Потом попал в больницу. Умирал в больничном коридоре, ему не нашлось места в палате. Умер совсем молодым. Спрашиваю у семьи: “Где похоронен?” — “На Ваганьковском”. — “Могли бы показать могилу?” — “Ой, вы знаете, боюсь не найду”. — “Вы что, не бывали там?” — “На похоронах-то была, как же, хоронила. Потом нет”. А прошло уже больше 10 лет. Его могилу просто срыли.

Изольда Извицкая. Я знал о ней, но когда так близко сталкиваешься с трагедией... Когда она умерла, не ела ничего. Во-первых, не на что было, а во-вторых, когда все время пьешь — уже не хочется есть, люди пьющие это знают. А из дома она выходить боялась, чтобы никто не сказал, что она алкоголичка. Жила с каким-то блядуном. Потом тот ушел к другой бабе. Изольда умерла одна, и еще десять дней потом пролежала в закрытой квартире. Таня Гаврилова, артистка, ее соседка, и в театр ходила, и в милицию: “Взломайте дверь”. Наконец решились. А она... уже в такой стадии, когда ни смотреть, ни близко находиться нельзя. Даже люди из морга пришли в ужас. А это была блистательная красавица, которую знали во всем мире. “Сорок первый” видели все. Ей было всего 30 с небольшим.

— Эта программа — ваш крест?

— Не будем выражаться так высокопарно. Я знаю, что это такое. Меня ругали: ты часто смотришь в могилу, это к добру не приведет. Но существует понятие — “смерть”, и его никак не обойти. Может, и про живых тоже нужно говорить — не угадаешь. Вот я с Быковым в Барвихе расстался, вернулся в Москву, бах — Ролана нет. А крест, миссия... Это уже журналистские понятия. Передача печальная, а я вот комедии стал писать... на фоне своего умирания.

Александр МЕЛЬМАН.